

УДК 13:165.12

**МАРКС, НИЦШЕ, ФРЕЙД:
ОПЫТ КРИТИКИ ИДЕИ СУБЪЕКТА
С ПОЗИЦИЙ НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ**

К.В. Кондратьев

Аннотация

В статье рассмотрены первые попытки критического рассмотрения идеи субъекта в работах К. Маркса, Ф. Ницше и З. Фрейда. Продемонстрировано, что идея субъекта, выступающая в качестве специфически человеческой формы бытия, в пространстве мысли этих мыслителей из неотъемлемой сущности превращается в трудоемкую задачу. В ходе работы выявлены общие черты и особенности критического подхода к идее субъекта, а также концептуальных персонажей, призванных заместить низложенного субъекта. В заключении отмечается переходный характер позиции рассматриваемых мыслителей.

Ключевые слова: субъект, интерпретация, ложное сознание, критика, пролетариат, сверхчеловек, психоанализ.

Кризис идеи субъекта, ознаменовавший европейскую философию рубежа XIX – XX веков, впервые был диагностирован тремя выдающимися мыслителями, которых историко-философская традиция относит к первым представителям так называемой неклассической философии – Карлом Марксом, Фридрихом Ницше и Зигмундом Фрейдом. В статье осуществлена попытка выявления их роли в предуготовлении философского события, получившего в философии XX века имя *смерть субъекта*.

Карл Маркс: критика ложного сознания и позиция пролетария

Первое, что бросается в глаза в образе аналитической философской работы Маркса¹ – это острое недоверие к идеям самим по себе. Идея сама по себе, постулирующая саму себя, – это иллюзия. Самодостоверность картезианского *cogito* поставлена под радикальное сомнение.

Маркс выявляет принципиально иной источник происхождения мысли. Вся философия Нового времени, классическая философия развивалась в русле борьбы двух основных направлений: эмпиризма и рационализма. Граница между ними проходила по линии решения вопроса – что является источником познания,

---

¹ Нам представляется важным сохранить слово *анализ* как наиболее точно характеризующее способ мышления каждого из рассматриваемых авторов, хотя и появляющееся открыто только у Фрейда – в виде психо-анализа. Анализ в настоящей работе понимается как раскладывание, разбирание на части содержания сознания для выявления чего-то, что находится «по ту сторону» сознательной самоочевидности, является детерминирующей, фундирующей основой достоверности, истинности, сознания вообще.

источником мысли. В первом случае за источник принимались ощущения, перцепция, во втором – мысль сама по себе, разумность как исключительно человеческая способность. Кантианская попытка объединения этих двух подходов также остается в русле данной тенденции. Открытие Маркса состоит в том, что вне зависимости от источника материала для размышления, само мышление признается им детерминированным общественным бытием. Однако общественное бытие не является изначальной данностью, напротив, его необходимо реконструировать путем *интерпретации*.

Мыслителю, работающему в области социального познания, всегда изначально дано в качестве материала именно общественное сознание в виде значимого высказывания или поступка, требующего интерпретации, то есть выявления своего *смысла*. На первый взгляд, выявление смысла может проходить лишь единственным образом – путем объяснения, понимания текста (экзегезы). Вся история философии (а также историография) до Маркса пыталась прежде всего разъяснить, *что* хотел сказать человек, какова была его *цель*. Маркс ставит вопрос принципиально иначе – что *заставило* человека или *позволило* ему сказать именно так, поставить именно эту цель.

Если не вдаваться в нюансы, Маркс дает ответ на поставленный вопрос: человек мыслит так, как заставляет его мыслить его классовый интерес. «История всех существовавших обществ была историей борьбы классов», – пишут К. Маркс и Ф. Энгельс в «Манифесте коммунистической партии» [1, с. 424]. Из этого следует, что любые попытки построения объективного «метода» (слово-идол всей классической философии и в эмпирической, и в рационалистической ее ипостаси) заведомо обречены на провал, потому как мышление не может выступать *causa sui*, субъект не способен самостоятельно достичь абсолютного совпадения знания о предмете с самим предметом. Так или иначе, любое познание (а особенно социально-ориентированное) всегда будет нагружено интересом представляющего его класса, а значит, идеологией.

Таким образом, вопрос в постановке Маркса несколько видоизменяется: от «*что заставляет* человека мыслить так?» мы должны перейти к «*кто мыслит так?*». Если мы учитываем классовый интерес в качестве основы, детерминирующей всю область общественного сознания («общественное бытие определяет общественное сознание»), следовательно, классовая принадлежность мыслителя также имеет существенное значение. И здесь мы можем поддаться сильнейшему соблазну объявить именно «свой» класс обладающим мандатом на истину, ввиду того что интерес нашего класса признается совпадающим с «всеобщим интересом».

Однако для Маркса в капиталистическом обществе не существует «абсолютного нуля идеологии», не существует того последнего базисного уровня, на котором интерпретация может быть завершена. Ведь тот, кто интерпретирует, представляет интересы своего класса – кто дает ему право на последний суд? Подвергая анализу общественное сознание, мы все еще остаемся в его пространстве; анализируя идеи, мы все равно создаем идеи. К результату нашей аналитической работы можно предъявить те же претензии, задать те же самые вопросы, в частности вопрос «*кто анализирует?*».

В этом контексте проявляется необходимость введения, хотя бы на гипотетическом уровне, новой фигуры, призванной преодолеть эту раздвоенность, эту «философическую шизофрению». В определенном смысле эта роль может быть отведена *сознательному пролетарию* – не эмпирическому пролетарию, представителю рабочего класса, детищу классового общества, а представителю общества победившего коммунизма¹, то есть общества бесклассового, общества без эксплуатации, без отчуждения и с этой точки зрения – общества совершенно метафизического, трансцендентального. Такая позиция, являясь абсолютно недостижимой в рамках действительной системы общественных отношений, выступает своего рода горизонтом интерпретации. Умение видеть классовую борьбу, проявляющуюся по ту сторону декларируемых мыслей, заявлений, лозунгов, – единственная возможность очищения сознания от «зашлакованности» идеологией.

Классический субъект у Маркса подвергается основательному переосмыслению. Из сущности – человека как разумного, целеполагающего существа – субъект превращается в задачу, требующую больших усилий для своего решения посредством постоянной преобразовательной практики. Говоря об «изменении мира» в «Тезисах о Фейербахе», он имеет в виду прежде всего изменение именно этой ситуации – субъект должен стать автономным, самодетерминированным, он должен исключить влияние идеологии, исключить власть фетишизма, исключить отчуждение. Достижение точки «нуля идеологии» невозможно внутри сферы общественного сознания и порождающего его капиталистического общества, именно поэтому возникает необходимость в радикальной смене позиции. Прежняя, трансцендентная позиция отрицается, ее место занимает позиция пролетария.

Фридрих Ницше: генеалогия и сверхчеловек

Интерпретация в работах Ницше играет первостепенную роль. Ницше подвергает анализу² область культурных ценностей, к которой относятся религия, мораль, наука и, разумеется, философия. Критике подвергаются не конкретные моральные постулаты или религиозные догмы и не отдельные метафизические идеи, а основания морали как таковой, религии как таковой, философии и науки как таковых.

По мысли Ницше, основной целью новой философии должно быть освобождение мысли от *нигилизма*. Причем нигилизм рассматривается им не как философское направление или конкретно-исторический феномен, а как своего рода судьба, как движитель исторического процесса Запада в его существенной основе. Настрой Ницше может показаться фаталистичным в этом отношении: «То, о чем я повествую, это – история ближайших двух столетий. Я описываю то, что надвигается, что теперь уже не может прийти в ином виде: появление нигилизма» [3, с. 25].

¹ О различии трансцендентального «пролетария» и эмпирического «рабочего класса» у Маркса см. [2].

² Теперь следует отметить, что понятие анализа у Маркса, Ницше и Фрейда должно быть напрямую соотносено с понятием критики.

Что такое нигилизм? Определение Ницше таково: «высшие ценности теряют свою ценность. Нет цели. Нет ответа на вопрос “зачем?”» [3, с. 31]. На первый взгляд, определение похоже на типичную критику нравов, характерную для этически настроенных мыслителей практически любой эпохи. Кроме того, это определение соответствует расхожему пониманию нигилизма как отрицания высших ценностей, авторитетов и общепринятых норм. Но откуда тогда этот фатализм? Почему нигилизм назван «следствием бывшего до сих пор в ходу толкования ценности бытия» [3, с. 31]?

Основной способ толкования бытия, по мысли Ницше, был заложен еще в древнегреческой философии, и заключается он в радикальном разделении мира чувственного и мира сверхчувственного, мира истины и мира мнения. При этом мир сверхчувственного имеет лишь одну задачу – самим своим существованием унижать, обвинять мир чувственный, жизнь как таковую. Вся мораль насквозь пропитана этим настроением – настроением суда, обвинения. То же самое мы можем увидеть и в философии: истина есть то, с позиций чего жизнь подвергается суду как несоответствующая истине. Противоречие *должного* и *сущего*, прежде чем стать моральным противоречием, постулируется как противоречие онтологическое (у Платона, у Августина и многих других). Почему так происходит?

Ницше дает ответ на этот вопрос в работе «Генеалогия морали». Исследуя происхождение моральных категорий, Ницше приходит к выводу, что их подлинным истоком является скрытое чувство мести, затаенная злоба, которую представители угнетенного класса рабов испытывали по отношению к господам – они ненавидели их, но не могли отомстить. Отсюда берет начало то, что Ницше обозначает как «восстание рабов в морали»: ввиду невозможности физической мести рабы осуществляют месть духовную, заключающуюся в «радикальной переоценке всех ценностей» [4, с. 424]. Это фундаментальное настроение Ницше именуется *ressentiment*, именно в нем находится корень нигилизма, корень воли к отрицанию жизни. Восставший в морали раб не может фактически изменить ненавистную ему ситуацию – и тогда он начинает отрицать ее духовно как ситуацию «злую», а его позиция, соответственно, приобретает положительные черты, становится «хорошей», «доброй».

Итак, корень нигилизма – *ressentiment*, воля к отрицанию, к переворачиванию ценностей, которое осуществляется путем перестановки знаков: то, что волей господ считалось добрым, волей рабов именуется злым, подвергается суду. Прежде всего суду предается сама власть господ, их сила. Сила как таковая объявляется злом, добром признается слабость, нищета, немощь (духовная и физическая). Все моральные ценности, с точки зрения Ницше, содержат в себе отпечаток немощи, отказа от действия, отделения силы от ее собственных источников. Например, прощение оказывается особо изощренным способом мести – прощает тот, по мнению Ницше, кто может позволить себе не требовать возмещения причиненного ему страдания. Эта «милость» является «преимуществом наиболее могущественного», но, будучи заражена *ressentiment*, она помогает «вместе с мстью возвеличить задним числом все вообще реактивные аффекты» [4, с. 454].

Как уже было отмечено, Ницше считает *ressentiment*, нигилизм, а следовательно, и лежащий в их основе инстинкт мести коренными движителями европейской истории вообще и истории европейской мысли в частности. Точно так же, как классовый интерес у Маркса, нигилизм мысли у Ницше невозможно перебороть силами самой мысли, потому как сама мысль уже заражена инстинктом мести: «Стоило только человеку начать думать, как он тут же тащил в свои мысли бациллу мести» [3, с. 414]. Именно поэтому возникает необходимость в решительном перевороте, новой перспективе, новой точке отсчета, с которой возможно будет произвести «переоценку всех ценностей», не боясь, что эта переоценка, так же, как и все предыдущие, будет заражена *ressentiment*.

Именно эту новую точку отсчета призван олицетворять *сверхчеловек*. Сверхчеловек, по утверждению Ницше, настолько же далек от человека, насколько человек далек от обезьяны. Сверхчеловек – тот, кто освободился от сковывающих сил *ressentiment*, реактивных сил, задача которых – отделять силу от ее возможностей. Сверхчеловек – воплощенная воля к власти, сила, не стыдящаяся реализовать саму себя, а значит, реализующая саму жизнь вместо того, чтобы винить ее, как это делают реактивные силы.

Сверхчеловек Ницше – фигура, аналогичная *пролетариату* Маркса сразу по двум критериям: во-первых, он представляет собой гипотетическую структуру, телеологический ориентир, нацеленный на преодоление изначального изъяна человеческого сознания, мешающего ему достигнуть подлинного сознания себя, и во-вторых, становление сверхчеловека возможно лишь на пути интерпретации, на пути анализа общепризнанных и общепринятых истин, принимавшихся ранее за *causa sui*. Кроме того, сверхчеловек сохраняет за собой черты субъектности, которые уже потерял реальный эмпирический субъект, – он является единственным источником активности, противостоящим влиянию реактивных сил. Эмпирический субъект может лишь тешить себя иллюзиями собственной субъектности, активности, автономности, однако, веря в эти иллюзии, в действительности он тем самым обеспечивает триумф реактивных сил.

Зигмунд Фрейд: анализ психики и проблема анализирующего

Исходная точка учения Фрейда была указана им самим в работе «Я и оно»: «Деление психики на сознательное и бессознательное является основной предпосылкой психоанализа, и только оно дает ему возможность понять и подвергнуть научному исследованию часто наблюдающиеся и очень важные патологические процессы в душевной жизни» [5, с. 841]. До Фрейда понятия «психическое» и «сознательное» считались синонимами. Психическое, то есть душевное, является источником всех наших действий, поступков, желаний (это известно уже со времен Аристотеля). Но как быть с некоторыми феноменами нашей жизни, авторство которых не может быть однозначно приписано нашему «я»? К таковым относятся сны, ошибочные действия (оговорки, ослышки, и т. д.), а также невротические расстройства. Традиционно естествознание либо вовсе не считало необходимым исследовать данные феномены, либо же исследовало их только с точки зрения *причин*, априорно принимая за их источник некоторые внешние по отношению к ним самим силы. Фрейд, напротив, рассматривая каждый из этих феноменов, исследует их с точки зрения *смысла*, то есть ищет

определенную *цель*, определенное *значение* для человеческой психики. Фрейд пишет по поводу оговорок: «Что значит “имеет смысл”? Это значит, что оговорку, возможно, следует считать полноценным психическим актом, имеющим свою цель, определенную форму выражения и значение» [6, с. 19]. Поскольку сознательную цель обнаружить не удастся, Фрейд вводит гипотезу существования бессознательного как особого модуса психического в целом.

В отличие от предсознательных (*vorbewußt*) представлений, к каковым относятся действия, когда-то бывшие сознательными, но вышедшие из области сознания за ненадобностью, сохраняя при этом возможность в любой момент вновь стать сознательными, содержаниям собственно бессознательного (*unbewußt*) присуща определенная динамика, сила воздействия на человеческое поведение, остающаяся при этом неосознаваемой. Включить бессознательное в содержание сознания оказывается практически невыполнимой для субъекта задачей вследствие действия открытой Фрейдом цензурирующей инстанции, получившей впоследствии в его работах наименование «Сверх-Я».

Работа анализа для Фрейда сводится исключительно к интерпретации симптомов с точки зрения их смысла¹. Перед нами вновь возникает вопрос, который уже возникал при обсуждении идей Маркса и Ницше: кто способен проводить такую интерпретацию? Действительно, ведь само сознание не способно дойти до уровня бессознательного – этому препятствует цензура. Именно здесь особый статус приобретает фигура психоаналитика.

Психоаналитик необходим анализируемому для того, чтобы объективировать бессознательные структуры, недоступные самостоятельной психологической интроспекции. Проще говоря, задача аналитика состоит в том, чтобы осознать за человека то, что он сам осознать не в состоянии. Психоаналитик выступает своего рода областью объективации сознания пациента.

Мы видим здесь схожесть позиции психоаналитика с позицией пролетария и позицией сверхчеловека. Анализируемый не в состоянии сохранить за собой субъектные функции – они полностью детерминируются бессознательными, недоступными его воле структурами. Между тем основной целью анализа, декларируемой Фрейдом, остается следующее: «там, где было Оно, должно стать Я». Бессознательное должно быть впущено в сознание, должно быть пережито и осмыслено – это единственный способ излечения невротических расстройств. Несмотря на видимость коммуникации, возникающей в процессе психоаналитического сеанса между аналитиком и анализируемым, их роли не равны: задача анализируемого состоит в том, чтобы вывести на вербальный уровень все, что приходит ему в голову (так называемый метод свободных ассоциаций), а психоаналитик координирует интерпретацию этих содержаний. Любая попытка проявить активность со стороны анализируемого решительно должна пресекаться, потому что она неизбежно будет нести в себе импульс цензурирующей инстанции, а значит, не только никак не поможет анализу, а напротив, может его исказить.

---

¹ В данном случае «симптомом» может выступать любой феномен, способный привести нас к бессознательному. Кроме уже упомянутых снов, ошибочных действий и симптомов неврозов, в более поздних работах Фрейд обращает свой анализ на механизмы культуры и социума, тем самым сближаясь с направлением мысли Маркса и Ницше.

Таким образом, анализируемый делегирует частично аналитику свои субъектные качества. Противоречие, заключающееся в том, что сверхчеловек и пролетарий выступают гипотетическими фигурами, а психоаналитик – реальный человек, владеющий вполне определенной профессией, является мнимым. Фигура психоаналитика лишь подчеркивает решительную невозможность субъекта возвратиться к самому себе самостоятельно – разрыв внутри сознания субъекта материализуется в фактический разрыв между аналитиком и анализируемым. Сверхчеловек способен вернуть себе утраченную субъектность, преодолев в себе все «человеческое, слишком человеческое»; пролетарий должен ступить в этот мир после окончательной победы коммунистической революции, окончания «предыстории человечества» и начала его «подлинной истории». Представить себе психоаналитика, победившего цензуру в самом себе, чье «я» полностью вобрало в себя области «Сверх-Я» и «Оно», – на это ни Фрейд, ни кто-либо из его последователей не отваживался никогда.

Отметим в заключение, что позиции Маркса, Ницше и Фрейда в истории понятия «субъект» следует признать переходными. С одной стороны, они подвергли решительной критике тот фундамент, на котором покоилось понимание субъекта в классической философии. Во-первых, из врожденного качества человека субъектность превращается в тяжелую задачу. Во-вторых, автономность и самоидентичность субъекта подвергаются радикальному сомнению, им на замену начинается поиск новых структур, детерминирующих облик субъекта. В-третьих, единственным методом данного поиска оказывается метод интерпретации, по необходимости сближающий работу анализа с теориями и методами, разрабатывавшимися ранее в совершенно иной философской традиции, а именно герменевтической традиции. С другой стороны, каждый из этих мыслителей сохраняет в себе классическую установку субъекта – если субъект не является чем-то данным нам изначально, задача состоит в том, чтобы завоевать субъектность силой (в данном случае силой выступает философский метод). Если не представляется возможным получить установку классического субъекта в эмпирической реальности, мы должны хотя бы сохранить ее в качестве гипотетической структуры, создав тем самым идеал, задав направление движения.

Summary

K.V. Kondratiev. Marx, Nietzsche, Freud: Critics of the Concept of the Subject from the Position of Non-Classical Philosophy.

The article deals with the first attempts of critical reviewing of the concept of the subject in the works of Marx, Nietzsche, and Freud. It is demonstrated that the concept of the subject as a specifically human form of being, in the philosophy of these thinkers, turns from the integral essence into a hard task. As a result of the study, common features and specificity of the critical approach to the concept of the subject proposed by the considered thinkers are revealed; the peculiarities of the conceptual characters aimed to take the place of the deposed subject are displayed. The transitional nature of the thinkers' positions is noted.

Key words: subject, interpretation, false consciousness, critics, proletariat, superman, psychoanalysis.

Литература

1. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 30 т. – М.: Изд-во полит. лит., 1955. – Т. 4. – С. 419–459.
2. *Славой Ж.* Кукла и карлик. Христианство между ересью и бунтом. – М.: Европа, 2009. – 336 с.
3. *Ницше Ф.* Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. – М.: Культурная революция, 2005 – 880 с.
4. *Ницше Ф.* Генеалогия морали // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. – М.: Рипол Классик, 1998. – Т. 2. – С. 409–527.
5. *Фрейд З.* Я и Оно // Фрейд З. Я и Оно: Сочинения. – М.: Эксмо, 2009. – С. 839–860.
6. *Фрейд З.* Введение в психоанализ: Лекции. – М.: Наука, 1989 – 456 с.

Поступила в редакцию
20.09.10

Кондратьев Константин Владимирович – аспирант кафедры социальной философии и культурологии Казанского (Приволжского) федерального университета.
E-mail: *Kons-kondrat@yandex.ru*